

развернута в залах Государственного музея искусств народов Востока, чтобы среди выставленных этюдов найти и посмотреть наш, суздальский. Узнал кое-какие подробности. В мае 1978 года газета «Суздальская новь» опубликовала мой материал под названием «Судьба одной коллекции». Какова же была моя радость, когда через несколько дней узнал, что в Суздаль приехал из Индии сын Николая Константиновича, художник, продолжающий дело отца, — Святослав Николаевич Рерих.

День тот выдался пасмурный. В такую погоду Суздаль продувают ветра. Экскурсия началась с Кидекши, где сохранилась древнейшая в наших краях церковь — белокаменная — Бориса и Глеба, XII века. Потом путь гостя пролегал в Суздаль. Святослава Николаевича я увидел внутри бывших Архиерейских палат. По-

жилой мужчина лет семидесяти. Прост и скромный, вся его фигура, движения и речь выражали достоинство и высочайшую культуру. Я увидел поразительное лицо — необыкновенно одухотворенное, какое никогда еще не приходилось видеть раньше. Пытливый, строгий взгляд красивых карих глаз в обрамлении белой аккуратно постриженной и тщательно расчесанной бороды.

Святослав Николаевич с интересом осматривал историко-архитектурные памятники Суздаля и музейные выставки, отмечал размах реставрационных работ, обилие туристских групп. «Я всегда, — говорил он, — хотел посетить Суздаль — древний центр русской культуры. И очень счастлив, что сегодня я мог выполнить свою давнюю мечту. Надеюсь опять когда-нибудь приехать сюда, потому что все памятники Суздаля осмотреть за один раз невозможно».

Гость из Индии с супругой не могли не посетить высокий берег Каменки возле стен Спасо-Евфимиева монастыря, то место, где 75 лет назад работал его отец и учитель. Мне довелось сфотографировать С.Н.Рериха в этом живописном месте.

Чуть позже, через несколько дней, из печати стало известно, что 7 июня 1978 года в торжественной обстановке в Москве Святославу Николаевичу был вручен диплом почетного члена Академии художеств СССР. В 1984 году по случаю 80-летия со дня рождения он был награжден орденом Дружбы народов. А совсем недавно в нашей стране учредилась Всесоюзная ассоциация «Мир через культуру» (девиз Н.К.Рериха), почетным участником которой избран славный представитель «Державы Рериха» — Святослав Николаевич Рерих.

ЧАСЫ ФЕЛЬДМАРШАЛА ПАУЛЮСА

Юрий Белов

— Я выполнял я эту работу по заданию органов государственной безопасности, — рассказывает Николай Иванович Невский. — Планировалось издать альбом, в котором рассказать и показать, как в советской стране живут военнопленные. Порекомендовал меня для фотосъемки Шейнин Лев Романович, работавший тогда в прокуратуре. Жил

он в Брюсовом переулке, который стал затем улицей Неждановой, в доме, в котором жили Мейерхольд, Берсенев, многие актеры. Жена у Льва Романовича была актрисой Малого театра, и он по средам устраивал у себя дома «капустники». Любил актеров. А поскольку я был связан с актерами, дружил с некоторыми из них, то однажды меня пригласили и я познакомился

с Л.Р.Шейниным. И он, узнав, что я профессиональный фотограф, порекомендовал меня для выполнения спецзадания.

Мне поставили условие: не брать аппарат большой, но я отказался, мотивируя тем, что не могу гарантировать хорошее качество снимков, если буду снимать «Киевом» или «ФЭДом». И все-таки я взял старую большую камеру на треноге. Я ездил по лагерям для военнопленных. Во многих местах они были: Суздаль, Кинешма, Чернцы, Сухиничи и т.д. Содержались по рангам. В Чернцах, недалеко от Иванова, был самый такой избранный состав: генералы, Паулюс, личный секретарь его — такой блондин. И все это я отражал в снимках; всю их жизнь, начиная с постели: как он встает, начинает зарядку делать, потом бегаёт по аллее, в столовой, «тихий час» и прочее. В общем два дня я был в Чернцах.

— Николай Иванович, известно, что Паулюс сначала был в суздальском лагере военнопленных...

— Да, а потом его перевезли в Чернцы. В Суздале я снимал, конечно, меньше, бытовые снимки делал. На камерах у итальянцев висели подковы. Я спрашиваю: «Что это у вас такое? Подковы?» — «Это на счастье», — отвечают итальянцы. «Какое же это счастье, раз вы в плену?» — «А мы считаем, что попасть в русский плен — счастье!» Они очень любили фотографии своих жен, детей, близких развешивать на стенах — по 5–6. Между прочим, очень красивые голоса были у итальянцев. Уж очень хорошо пели они в Суздале! Проходишь мимо помещений, где они содержались, слышишь: поют — замечательные голоса!

— Давайте вернемся к фельдмаршалу Паулюсу, Николай Иванович. Как он был в общении, не вызывающе вел себя?

— Нет, нет — что вы — вежливо, скромно, аккуратно. Никогда бы не подумал, какие немцы в действительности были: на фронте, и там. Исключительно пунктуальны. Вот, например, характерен ужин. В 7 часов. Мы пришли немного раньше, минут за 20. Ни единой души в столовой не было. И ровно за 5 минут идут. Шикарно, в

мундирах — все ордена, знаки отличия целы. Встали у столов. Ровно минута в минуту входит Паулюс. Как сел — и все сели. Вот какая точность у них была, не говоря уже как вилку берут, как кушают. Это на должном уровне было.

— Николай Иванович, а вы с Паулюсом лично общались?

— Ну как же! Даже с ним на бильярде снят вместе. Я неприятность даже имел за это дело.

— Вас кто-то третий снимал?

— Со мной ездил представитель управления госбезопасности. Я навел на резкость, а он нажал на кнопку. Дело, конечно, прошлое — мне удалось несколько фотографий тайком сделать, но за это я имел неприятность потом. Нельзя было этого делать.

— Говорят, что вы махнулись с фельдмаршалом Паулюсом часами... Как это получилось?

— Да как получилось... У меня были часы старинные, которые мне подарил хозяин и мой учитель, фотограф Григорьев. Они с боем были. И вот когда я отснял первые кадры, часы забили мелодию «Боже, царя храни». Паулюс через переводчика: «Покажите часы». Я снял. Они, кстати, не снимались, а вынимались из кармана, с огромной 1,5 метра цепочкой, и по форме чуть меньше блюдечка. Паулюс попросил показать. «Не поменяет ли мастер-фотограф свои часы на часы фельдмаршала?» — спрашивает. Я растерялся, смотрю на Михаила Ивановича Маркева (представителя управления госбезопасности). Спрашиваю: «Михаил Иванович, можно?» Он говорит: «Я не видел, я не слышал», — взял и отошел в сторону. Я поменялся. А в результате часы Паулюса с монограммой оказались у меня...

— Часы у Паулюса какие были, швейцарские?

— Швейцарские, красивые часы, только ручные. А у меня карманные.

— Сохранились ли у вас часы Паулюса?

— Нет, у меня их конфисковали. Вместе с фотографиями, аппаратурой на 170 тысяч по госценам. Погибло все мое имущество.

— Что случилось?

— Все самое ценное находилось в доме отца (я жил на два дома), я больше жил у отца на Пугачевской улице: обедал там, мама стирала, готовила. В 1951 году отец был осужден с конфискацией имущества на пять лет — он делал из шкурки воротник одной знакомой и ему это квалифицировали как спекуляцию, частное предпринимательство тогда преследовалось. Меня тоже арестовали, за компанию, считая, что я помогал ему в этом деле. А потом за Паулюса — у меня нашли его часы с монограммой, обнаружили снимки, где мы с Паулюсом за бильярдом. В то время, знаете, как это рассматривалось... Часы Паулюса у фотографа Невского! 8 месяцев я пробыл под арестом, а потом мое дело прекратили без всякого обвинения, даже без суда меня освободили.

Ничего не подтвердилось. Я доказал, что все мое имущество было приобретено честным трудом. Я представил все справки по заработкам. Насчет Паулюса — по заданию органов госбе-

зопасности с генералом ездил, который меня сопровождал. Но генерал к тому времени умер. Пришлось поднимать документы, проверять, как все получилось.

— А имущество вам вернули?

— Нет. Все имущество взяли, вывезли и продали в то время, когда я находился под стражей. Оно было включено в общую опись с отцовским достоинством. Мне должны были вернуть мою аппаратуру, но ее не оказалось. Мне начали отказывать, когда я обратился в суд, мотивируя это тем, что это все имущество отца. Но как могло быть? Отец всю жизнь шапки шил, а я фотографией занимался. Но прокурор написал: раз я имею частную фотографию, то даже по этим признакам надо было отобрать все имущество. Долго длилась судебная тяжба, все свидетели подтвердили, что часть имущества принадлежала мне, все было установлено, доказано, но имущество мне так и не возвратили. Дорого мне обошлись часы Паулюса!

Я ПРИЕЗЖАЛ В СУЗДАЛЬ НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Юрий Белов

Приезд Солженицына во Владимирскую область, вскоре после его возвращения в Россию, стал большим событием. Программа была насыщена до предела встречами во Владимире и в Гусь-Хрустальном районе — тех местах, где Александр Исаевич когда-то жил, работал учителем математики и активно занимался литературной деятельностью. Это поселок

Мезиновский и деревня Мильцево, а также село Палищи, на кладбище которого нашла свой последний приют его бывшая хозяйка, простая женщина-праведница Матрена Васильевна Захарова, героиня рассказа «Матренин двор».

Поселок Мезиновский, возникший на месте торфоразработок, на один год моложе писателя. Бывшего учителя у входа в новое здание школы

ждали новое поколение учителей и подрастающее поколение с портфелями и букетами цветов, родители, а также заблаговременно приехавшая большая группа журналистов, включая иностранных. Утренняя прохлада и солнце создавали приподнятое настроение. Как только А.И.Солженицын вышел из машины, взоры всех собравшихся устремились на него. Одетый в светлую